

The background of the page is a light gray illustration of a tree with many bare, thin branches. Several birds are shown in flight, scattered across the scene. The overall style is minimalist and artistic.

Оглавление

Глава 1.....	5
Глава 2.....	27
Глава 3.....	52
Глава 4.....	65
Глава 5.....	74
Глава 6.....	100
Глава 7.....	125
Глава 8.....	134
Глава 9.....	175
Глава 10.....	189
Глава 11.....	205
Глава 12.....	214
Глава 13.....	231
Глава 14.....	252
Глава 15.....	275
Глава 16.....	313
Глава 17.....	347

The background of the page is a light gray illustration of a bare, leafless tree with intricate, branching limbs. Several birds are depicted in flight, scattered throughout the scene, adding a sense of movement and life to the otherwise still tree. The overall aesthetic is clean and minimalist.

Глава 18.....	364
Глава 19.....	387
Глава 20.....	405
Глава 21.....	428
Глава 22.....	460
Глава 23.....	474
Глава 24.....	507
Глава 25.....	517

*Посвящаю своей матери
со всей любовью.*

Глава 1

Впервые Хелльвир попала в царство Смерти, когда ей было десять лет.

Это случилось в середине долгой зимы, такой суровой, что некоторые называли ее проклятой. От холода умирали во сне животные, погибали деревья, слабели и словно таяли на глазах дети.

Деревня, в которой Хелльвир жила с родителями и старшим братом, находилась на краю огромного леса, раскинувшегося на северо-западных землях государства Крон. Об этом древнем лесе ходило много историй. Хелльвир часто сидела у ног отца, помогала ему делать оперение для стрел и вырезать костяные наконечники. Отец рассказывал о Безглазой Ведьме, которая ловила маленьких мальчиков, превращала их в скворцов и держала в своем птичнике, чтобы слушать их пение. О Ястребе с серебряным клювом, который хотел долететь до луны. О Короле-Олене, который когда-то разорял страну и пожирал кровоточащие сердца врагов. Истории помогали отогнать холод, который скребся в дверь, но иногда Хелльвир казалось, что он, этот холод, уже проник в дом; она видела его в глазах отца, искрившихся инеем от тревоги и страха перед будущим.

МАРИАННА ГОРДОН

Хелльвир была еще слишком мала для того, чтобы охотиться, но умела ставить силки и капканы. Каждое утро она выходила в лес, проверяла капканы, забирала добычу и раскладывала новые приманки. Брат ходил с ней вместе, стрелял белок и кроликов.

Однажды утром, когда под ногами поскрипывал свежерастаявший снег, а небо было ярко-синим, Хелльвир и ее брат, Фарвор, в очередной раз отправились в лес. Девочка заметила куст, усыпанный алыми ягодами, и набрала горсть.

— Эти не ешь, — сказал Фарвор. — Живот заболит.

Она все равно сунула ягоды в карман — не для того, чтобы есть, а чтобы любоваться на них потом, дома.

Дети побрели дальше через сугробы, доходившие Хелльвир почти до пояса. Время от времени они останавливались и обдирали с деревьев кору на растопку. Когда они вышли к замерзшей реке, Фарвор указал на левый берег.

— Я пойду на север, а ты иди на юг. Встретимся здесь перед закатом, договорились?

И Хелльвир пошла по хорошо знакомой тропе через лес. Вскоре она обнаружила первую ловушку у ручья, куда звери приходили на водопой. Ее замело снегом. Хелльвир начала смахивать снег, а он прилипал к рукавицам, так что они превратились в белые шары и пришлось их снять. Наконец показался злобный зубастый капкан. Хелльвир задела одно острие, поморщившись, сунула палец в рот и ощутила сладковатый металлический привкус крови.

Хелльвир продолжила расчищать снег, и через несколько минут ее ладонь коснулась ржаво-бурого меха, застывшего сосульками. В капкан попала лисица. Глаза животного уже подернулись синеватой пленкой.

ПОЗОЛОЧЕННАЯ КОРОНА

На то, чтобы откопать лису, ушло довольно много времени — трупик совсем очоченел, а Хелльвир вынуждена была действовать одной рукой; однако в конце концов она разжала зубья капкана, вытащила мертвое животное и положила его рядом на снег. Хелльвир часто видела лисиц, бродя по лесу. Ей нравились их настороженные желтые глаза; она не раз пыталась подманить их, предлагая обрезки мяса, но никогда еще не видела ни одной так близко.

Хелльвир гладила красивую зимнюю шубу, мягкие черные уши. Пушистый хвост намок, стал тонким и жалким. Она взяла бедняжку, обняла ее, прижала к себе. Когда потом, много лет спустя, Хелльвир вспоминала этот случай, она не могла объяснить причину своего поступка. Она просто почувствовала, что должна взять лису на руки, — при виде мертвого зверька ее охватила невыносимая печаль.

«Никогда не засыпай на морозе, — часто повторял отец. — Иначе не проснешься. Сначала ты должна согреться, любым способом. И только потом можешь отдохнуть».

Хелльвир, конечно, не собиралась спать. Но она так устала от перехода через заснеженный лес, устала после ночных ссор родителей. А здесь было так приятно посидеть, и снег прикрывал ноги, словно одеяло, сшитое нарочно для нее...

Проснувшись, Хелльвир не сразу поняла, что мир изменился. Она не почувствовала, что холод стал другим, что он пробирает до костей сильнее, чем в самую морозную зиму, сильнее даже, чем в последние несколько месяцев. Она не заметила запаха — точнее, полного отсутствия запахов. Не заметила мертвой тишины. Сначала она только увидела пушистый хвост с белым кончиком, исчезающий за деревьями.

— Стой! — крикнула Хелльвир.

МАРИАННА ГОРДОН

Она поднялась и попыталась догнать лису, но глубокий снег мешал идти.

— Вернись!

Лиса, разумеется, не послушалась: она бежала прочь, петляя между стволами деревьев и голыми кустами, и Хелльвир бросилась за ней. Она не обращала внимания на то, что деревья выглядят как-то странно, не обращала внимания на неестественную тишину. Темно-рыжая фигурка влекла ее, словно блуждающий огонек.

Обогнув высокий сугроб, Хелльвир очутилась на небольшой поляне. Лиса застыла посередине, наблюдая за девочкой; ее глаза, недавно тусклые и безжизненные, были оранжевыми, как пламя.

— Вот ты где, — проговорила Хелльвир. — Почему ты убежала?

Лиса, не сводя с нее взгляда, наклонила голову и пошевелила ушами. Потом уставилась куда-то за плечо Хелльвир.

Хелльвир нахмурилась, обернулась, но позади ничего не было, кроме бесконечного леса. Тут... она наконец-то пригляделась и сообразила, что это не *ее* лес. Ветви были странного серого цвета и походили на кости, много лет пролежавшие под открытым небом, а сучки на стволах сильно напоминали глаза. И эти глаза неотрывно следили за Хелльвир. На краю поля зрения картинка расплывалась и дрожала, словно нагретый воздух над камнем.

Хелльвир медленно опустилась на колени и протянула лисице руку. Лиса приблизилась и помахала хвостом.

— Иди сюда, — прошептала Хелльвир, впервые заметив, как странно звучит ее голос в этом воздухе — он был глухим и в то же время громоподобным, и разнился по всему лесу. — Я отнесу тебя обратно. — В горле у нее пересохло от волнения. — Пожалуйста.

ПОЗОЛОЧЕННАЯ КОРОНА

«Я должна забрать ее отсюда», — подумала Хелльвир, хотя понятия не имела, почему это так важно.

Лисица подошла еще ближе и обнюхала пальцы Хелльвир. На ее черных усах осели снежинки. Она высунула язык, слизнула с руки талый снег и каплю крови, засохшую на пораненном пальце. Снова взглянула на что-то невидимое позади Хелльвир. Но девочка не смогла заставить себя оглянуться и посмотреть, что же там такое. Ей было очень страшно.

— Пойдем со мной, я отнесу тебя ко мне домой, — еще раз предложила она лисе. — Я знаю, мама и папа разрешат тебе жить с нами. Это же лучше, чем одной в холодном лесу. — Хелльвир сунула руку в карман и вытащила ягоды, сорванные недавно с куста. — Ты голодная? Хочешь?

Лиса, сморщив черный нос, обнюхала ягоды, потыкалась в них, и они высыпались на снег. Дыхание ее и нос казались теплыми.

И снова янтарные глаза уставились на что-то за спиной Хелльвир.

На этот раз она обернулась, стараясь не думать о том, что может там увидеть, и успела заметить среди стволов какую-то черную фигуру. Сердце ушло в пятки, но секундой позже, когда Хелльвир пригляделась хорошенько, фигуры уже не было. Вокруг не было ничего, кроме серых деревьев и белого снега.

— Хелльвир!

Она вздрогнула; лисица тоже встрепенулась и собралась бежать. Это был голос брата. Он звучал взволнованно и доносился откуда-то издалека, как будто брат искал ее и не мог найти.

— Я здесь, — прошептала она.

— Хелльвир!

Она задрожала и протянула лисице руку.

— Пожалуйста, — попросила она, — пойдем со мной.

МАРИАННА ГОРДОН

— Хелльвир!

Чья-то рука вцепилась в плечо Хелльвир, ее дернули назад, и внезапно она очутилась в сугробе. Над ней нависло лицо брата. Сгушались сумерки. На Хелльвир обрушилась волна холода — как будто ее обдали ледяной водой из бабьи.

— Что ты де...

Лисица извивалась в ее руках. Мгновение спустя животное вырвалось и бросилось наутек. Пышный мягкий хвост задел щеку Хелльвир; от него пахло землей и диким зверем. Брат успел поймать беглянку за загривок, она твякнула и попыталась укусить его.

— Не надо... — начала было Хелльвир, но Фарвор уже свернул лисе шею.

— Этого нам на несколько дней хватит, — объявил он. — Я попрошу маму сшить тебе новые рукавицы, к которым снег не прилипает. Ты хорошо придумала насчет ручья, удачное место для капкана.

Хелльвир ударилась в слезы. Она не могла с собой справиться. Сначала брат удивился — она ведь уже не раз видела, как он убивает зверей и птиц, — потом разозлился, потому что она отказывалась объяснить, из-за чего плачет. Фарвор грубо схватил ее за руку и потащил к дому.

Во второй раз Хелльвир попала в царство Смерти, когда ей было двенадцать. Она сидела с отцом под вишневым деревом во дворе дома и прилаживала оперение к стрелам. Весной траву у подножия вишни усыпáли розовые лепестки, но сейчас вокруг лежал снег, а дерево было черным и голым, как скелет. Несмотря на это, Хелльвир нравилось сидеть вот так на улице и работать; здесь было красиво, тихо и спокойно, изо рта у них при дыхании вылетали облачка пара, и все трудности — недостаток еды, запавшие глаза мамы, ее угрюмый

ПОЗОЛОЧЕННАЯ КОРОНА

взгляд, нервные движения, которыми она гладила живот, — казались далекими, несущественными.

На ветку над головой Хелльвир села сорока и взглянула на нее угольно-черным глазом.

— Привет, — с улыбкой обратилась к птице девочка.

Та наклонила голову набок, и взгляд ее переместился на блестящий маленький ножичек, лежавший у Хелльвир на коленях, — с его помощью девочка подрезала перья.

— Мне очень жаль, но это папин, — сказала Хелльвир.

Сорока застрекотала.

— Я принесу тебе взамен ягоды рябины, — предложила птица.

— Я не ем рябину.

— А как насчет зайца? Я расскажу тебе, где у них норы. Они сейчас тощие, конечно, но немного мяса у них на костях найдется.

— Ну ты и злюка. Не могу я отдать тебе ножик.

Сорока издала короткий, похожий на кудахтанье, звук, сорвалась с ветки и улетела в лес. Хелльвир покачала головой и вернулась к работе. Она не сразу сообразила, что отец наблюдает за ней. Ее улыбка погасла. Ей больше не разрешали разговаривать с вещами и зверями.

— Пожалуйста, не говори маме, — тихо попросила она отца.

Своей большой рукой тот убрал ее волосы со лба.

— Не скажу, — пообещал он.

— Она этого не понимает.

— Я знаю, девочка моя.

Его голос звучал печально. Отец взялся за новую стрелу, сосредоточенно нахмурил лоб. Хелльвир не мешала ему, дала ему время подумать, ведь он был намно-

МАРИАННА ГОРДОН

го мудрее ее. Два ястреба парили высоко в небе над лесом.

— Это очень плохо? — прошептала она. — Мне нельзя так делать?

Отец порывисто обнял ее, притянул к себе. Перья рассыпались по скамейке, упали на мерзлую землю. Хелльвир чувствовала тяжелый запах, исходивший от его меховой куртки.

— Ты знаешь, откуда родом твоя мама?

— С Востока, — ответила девочка. — Из страны Гаргулья.

— Эта страна называется Галгорос, — поправил отец. — В Галгоросе не такие обычаи, как у нас. Помнишь звезду с двенадцатью лучами, вырезанную на притолоке над входной дверью? Ее вырезала твоя мама. В Галгоросе такие звезды можно увидеть повсюду. Это символ их бога.

— Их бога?

— Его зовут Онестус, Бог Обещания. — Заметив, что Хелльвир в недоумении наморщила лоб, отец продолжил: — Тебе может показаться нелепым, что у них только один бог, но многие вещи кажутся нам нелепыми просто потому, что они нам непонятны. Это не значит, что «нелепое» неправильно или плохо. Наши обычаи ей тоже кажутся нелепыми. Она не может понять, что мы живем иначе, чем на ее родине, не может понять, почему мы верим в существ, отличных от ее единого бога. Ей кажется диким, что человек способен видеть нечто, недоступное другим, или говорить с вещами, птицами, зверями. И что остальные, обычные люди, не видят в этом ничего дурного.

Хелльвир поразмыслила над словами отца и внезапно почувствовала себя очень далекой от мамы. Раньше ей казалось, что они смотрят на мир одинаково, как будто бы через одну подзорную трубу — папа как-то раз купил такую у проезжего торговца, чтобы пользо-

